

"УТРО РОССИИ": ПРЕПОДАВАТЕЛИ ВЯТСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ В КОНЦЕ 1850-Х - начале 1860-Х гг. (историческая зарисовка)

"MORNING OF RUSSIA": THE TEACHERS SEMINARY IN VYATKA AT THE END OF THE 1850-s - early 1860-s. (historical sketch)

I. Kornilova

Annotation

The changes in the spiritual school at the turn of the 1850–1860–ies are considered, first of all, the appearance in a number of seminar teachers of the people of the new generation of Moscow's graduates universities, high schools, talented people, who are able to initiate and support the curiosity of the young generation. Conclusions are making about that teachers Seminary in Vyatka brought a great contribution to the development of culture in Vyatka and far beyond its borders, first of all, developing mental talents of their students, inculcating in them the highest social values and ideals.

Keywords: theological Seminary of Vyatka, teachers, A.S. Vereshchagin, I.F. Farmakovskiy, N.A. Chernyshov, A.A. Krasovsky.

Корнилова Ирина Валерьевна

*Кандидат исторических наук, доцент
Набережночелнинского института социально-педагогических технологий и ресурсов*

Аннотация

Рассматриваются изменения в духовной школе на рубеже 1850–1860–х гг., прежде всего, появление в ряду семинарских преподавателей людей новой генерации, выпускников столичных университетов, вузов, людей талантливых, умеющих возбудить и поддержать любознательность в молодом подрастающем поколении. Делаются выводы о том, что преподаватели Вятской духовной семинарии внесли большой вклад в развитие культуры на Вятской земле и далеко за ее пределами, в первую очередь, развивая умственные таланты своих воспитанников, прививая им высокие общественные ценности и идеалы.

Ключевые слова:

Вятская духовная семинария, преподаватели, А.С. Верещагин, И.Ф. Фармаковский, Н.А. Чернышов, А.А. Красовский.

Конец 1850–х – начало 1860–х гг. был одним из самых насыщенных периодов в истории духовных учебных заведений Российской империи. Эпоха преобразований была качественно иной, значительно отличалась от предыдущих, и во многом изменила облик России. Не случайно начало второй половины XIX в. епископ Иоанн (Соколов), ректор Казанской духовной академии в 1857–1864 гг., назвал необычно – "утром России", что означало не только наступление "эпохи общественного возрождения", но и отмирание "старого" и "народное рождение нового человека" [22, с. 226–227].

Вятская семинария, основанная в 1735 г. архиереем-малороссом, выпускником Киевской духовной академии Лаврентием (Горкою), располагалась на территории Успенского Трифонова монастыря, и была типичной провинциальной российской семинарией середины XIX в., имеющей три отделения: низшее (класс словесности и риторики), среднее (философский класс) и высшее (богословский класс). В течение шестилетнего курса обучения в семинарии изучалось 46 дисциплин [5, с. 29]. Образование в духовных учебных заведениях носило религиозно-богословский характер, однако среди учебных предметов было много общеобразовательных, соответствовавших гимназическому курсу, что свидетельствует о серьезности духовного обучения, его фундаментальности и том, что выпускники духовных семинарий могли преподавать в церковно-приходских и начальных школах светские дисциплины. Со временем к прежним богослов-

ским дисциплинам добавились учение о вероисповеданиях, ересь и расколе, применительно к местным условиям, учение о церковных древностях и обрядословии, гомилетика, основания канонического права, учение о должностях пресвитеров приходских. Кроме того, изучались логика, психология, всеобщая история, правила об обязанностях человека и гражданина, алгебра с геометрией, иностранные языки (еврейский, французский и немецкий), сельское хозяйство, медицина, церковная архитектура. Сверх того, для имеющих способности учащихся, преподавалась иконопись [26, с. 21]. Следует заметить, что не во всех семинариях Российской империи уделялось внимание эстетическому развитию учащихся. Так, в Тверской семинарии неоднократно ставился вопрос об организации последовательного изучения истории искусства. Отмечалось, что эстетическое развитие семинаристов – такая же неотложная необходимость, как снабжение одеждой и пищей. Однако до конца XIX в. так и не нашлось знающих преподавателей, и столь необходимый курс не вошел в число изучаемых дисциплин [19, с. 66].

Учитывая многонациональный состав населения Вятского края, изучались татарский и черемисский языки [12, л. 49, 50]. Семинаристам преподавались и практические дисциплины – начальная медицина, прикладные ремесла, гимнастика и др. Включение этих предметов было продиктовано требованиями реальной жизни будущих пастырей, более подготовленных к бытовой рутине. Так, постепенно, после ряда реформ 1808–1814 гг. и

1842 г. учебный процесс в семинарии был выведен на качественно новый уровень, в учебный план включены новые дисциплины, появилась библиотека.

На рубеже 50–60-х гг. XIX в. в Вятке происходили существенные общественные изменения, вызванные подготовкой реформ. В этом отношении Вятка ненамного отставала от более крупных центральных городов Российской империи. Особенно заметными были сдвиги в области образования, в том числе и духовного. Заговорили о прогрессе, стала быстро развиваться светская и духовная журналистика, открывались народные школы, публичные библиотеки, появились новые духовно-культурные приоритеты, направленные на обновление общественной и культурной жизни. В то же время в ряду семинарских преподавателей появились люди новой генерации, выпускники столичных университетов, вузов, люди талантливые, умеющие возбудить и поддержать любознательность в молодом подрастающем поколении. Они не насаждали либеральных взглядов, но будили мысль, разбирая то или другое литературное произведение или сочинения воспитанников. Последние, в свою очередь, предпринимали попытки анализировать их суждения, делали свои умозаключения, стремясь расширить свои скудные школьные познания, хотели читать и читать не только нормативные учебные тексты по семинарской программе, а намного шире и больше. Так постепенно формировался интерес к библиотекам, как публичным, народным, так и частным, а, следовательно, появилась возможность читать не одних уже только авторов духовных книг, не одни духовные журналы, не только светские консервативные, а самые передовые, прогрессивные журналы и книги. Многие семинаристы находили способы получать и хранить у себя произведения Н.Г. Чернышевского, В.Г. Белинского, Н.В. Гоголя, А.Н. Некрасова, и многие другие, запрещенные к чтению издания. Кроме того практически все духовные семинарии России имели нелегальные общие для всех желающих библиотеки, и Вятская семинария не была исключением.

Преподавателей семинарии в целом отличала высокая квалификация, стремление заинтересовать своих учеников, передать любовь к чтению, книге, к постижению истины. В учебной библиотеке была богатая по тем временам коллекция книг на латинском, церковно-славянском и других языках, которая была призвана помочь семинаристам в усвоении, в первую очередь, церковных предметов семинарского курса [9]. Книжное ядро составляли труды Лаврентия Горки (1671–1737), известного книжника, привезшего в Вятку 350 книг на латинском, греческом и европейских языках. После его смерти в 1737 г. большая часть книг была передана в Святейший Синод, оставшаяся часть по-прежнему использовалась в учебных целях. Через 20 лет для семинарской библиотеки выписали лучшие сочинения церковных писателей, античных и средневековых историков, поэтов, ораторов, важнейшие труды ученых XVII и XVIII вв. Необходимо отметить и наличие в библиотеке сочинений вос-

питанников семинарии – А. Серебренникова "Поэма на восшествие на престол Екатерины II" (СПб., 1772), А. Попова "Сатирические эпиграммы" (1778) и другие. В середине XIX в. много книг (1 066 томов) семинарии подарил Ихроним Гепнер, архимандрит Крестовоздвиженского монастыря в г. Слободском Вятской губернии. Будучи полiglотом, он состоял в переписке со многими европейскими учеными. В целом, к концу XIX в. рукописный каталог семинарской библиотеки включал 1 446 томов (878 наименований) только на древних языках [6, с. 2–3]. Семинарская библиотека считалась в то время одной из лучших по г. Вятке.

Преподаватели семинарии, в подавляющем большинстве, являлись местными уроженцами. Большинство из них отличалось высоким уровнем квалификации [20, с. 176]. Несмотря на некоторые негативные стороны воспитательного процесса, при существовавшей консервативно-авторитарной образовательной системе, педагоги семинарии были людьми достойными. Не менее важно и то, что выпускники Вятской семинарии по уровню подготовки были наголову выше других семинаристов. В том велика заслуга преподавательского корпуса, многие представители которого успешно окончили полный курс Казанской духовной академии. Высокий уровень подготовленности выпускников Вятской духовной семинарии позволял продолжить обучение в столичных учебных заведениях – Троицкой семинарии (С.Г. Калачников, П.И. Малинов, М.М. Зубарев), Александро-Невской семинарии (А.И. Шестаков, учившийся в одно время со М.М. Сперанским); Казанской академии (Н.Е. Тукмачев, С.И. Шестаков, С.И. Кулыгинский, Ф.С. Глазырин, П.Р. Орлов, Г.И. Пинегин), императорском Московском университете (Г.Д. Осокин, В.В. Дьяконов, Г.Е. Мышкин) [2, с. 593].

Среди учителей выделялась личность А.С. Верещагина (1835–1908), преподавателя логики, истории, патристики и латинского языка, выпускника Казанской духовной академии [7, с. 400–401]. Будучи преподавателем "сухого" предмета, А.С. Верещагин умел сделать его интересным и привлекательным, мог разъяснить внутренний смысл событий, их добрые и дурные стороны. Его отличали живость и наблюдательность. "Покачаться на волнах собственной фантазии на уроках редко кому удавалось" [14, с. 12]. К его педагогическим достоинствам относили выразительный, понятный язык и прекрасную дикцию. По воспоминаниям одного из учеников он был "учителем-художником, отдавался делу всеми силами души". Его "урок латинского был в то же время и уроком истории, философии и практической жизни..." [14, с. 12]. Ученики отмечали еще одно достоинство А.С. Верещагина – это его умение рассказывать, "по поводу какой-нибудь переведенной фразы из Кюнера [учебник], он рассказывал о каком-нибудь событии или личности из древней истории и притом увлекательно, а это все служило оживлением урока" [8, л. 25; 23, с. 136]. А.С. Верещагин, ученик выдающегося русского историка А.П. Щапова (1831–1876), всю свою жизнь посвятил истории, иссле-

дованию Вятской старины, прививал своим воспитанникам не только любовь к знаниям, но и к изучению родного края, его прошлого, с пиететом относился к его героям. А.С. Верещагин, будучи с 25 ноября 1863 г. заведующим неофициальной частью "Вятских губернских ведомостей", а с 26 февраля 1864 г., отказавшись от службы в семинарии, стал редактором этой газеты и одновременно – членом губернского статистического комитета, издал более 40 документов и материалов по истории Вятского края. Социально-экономическая и культурная история XV–XVIII вв. запечатлена в его трудах, среди которых: "Древние акты (1428–1700), относящиеся к истории Вятского края" (1881), "К истории древнего Хлынова" (1904), "Из истории древнерусской Вятки" (1905), "Повесть о стране Вятской (вятский летописец). Памятник вятской письменности XVII–XVIII веков" (1905) и др. [7, с. 20; 25, с. 33] Перечисленные выше сочинения не потеряли своего значения в настоящее время, более того служат источниковой базой по изучению прошлого Вятского края. В 1904 г. при непосредственном участии А.С. Верещагина и Н.А. Спасского состоялось открытие Вятской губернской ученой архивной комиссии, причем статский советник Александр Степанович был избран товарищем (заместителем – И.К.) председателя комиссии Н.А. Спасского и редактором "Трудов" [27, с. 163–164], издаваемых комиссией. Это далеко не полный перечень того, что позднейшие вятские исследователи внесли в реестр заслуг этого необыкновенного человека. В некрологе, помещенном на страницах "Трудов Вятской ГУАК", Александр Степанович был отнесен к числу лучших учителей своего времени [3, с. 4].

Большим уважением среди воспитанников семинарии пользовался И.Ф. Фармаковский (1813–1873), выпускник Петербургской духовной академии, преподаватель священного писания и немецкого языка, совмещавший процесс преподавания с административной работой. К педагогической деятельности он относился весьма серьезно, с основательностью ученого и православного толкователя. С 16 октября 1863 г. был редактором "Вятских губернских ведомостей" [13, л. 46 об., 51 об.]. При многочисленных обязанностях он находил время заниматься и духовно-литературными трудами [28–30], к работе над которыми приучал своих воспитанников.

Учителем живописи и архитектуры в Вятской семинарии с 1855 по 1867 гг. был Н.А. Чернышев (1804–18?), иконописец, коллежский ассессор, получивший домашнее образование, но обладавший природными качествами педагога и художника. В сохранившемся формулярном списке Н.А. Чернышева есть сведения о том, что в 1840 г. Академия художеств в Санкт-Петербурге присвоила ему звание учителя рисования в средних учебных заведениях [11, л. 5 об.; 10]. Интересны воспоминания братьев Васнецовых – Николая Михайловича (1845–1893), народного учителя, Потомственного Почетного гражданина г. Вятки, и Виктора Михайловича (1848–1926), известного русского художника – о профессиональных ка-

чествах, особенностях характера, интересных деталей преподавания педагога Н.А. Чернышева: "...Николай Александрович добрая душа и художник очень хороший. Ты старайся! Он заметит старание и пригласит в свою иконописную... В иконописной это был совсем иной человек. На глаз быстрый, острый, на слово щедрый.

– Вот поглядите! – приглашает он учеников к старой иконе. – И ты подходи ближе! Васнецов, голубчик, ближе! Тебе же из-за спин не видно... Вот это и есть строгановское письмо. Поглядите на нимбы. Это ведь не золотая краска, это сам свет. А каков Иоанн Предтеча?! Кто же скажет, что он не в звериных шкурах, но шкуры – то будто из золотого руна. Здесь от всего свет. От ног, рук, одежды. А взгляните в лицо. Скорбное лицо. В глазах – печаль. Печаль мировая, однако ж как оно светится. Скорбь тоже может быть светлой. Утешительной... Говорят, наши предки мало знали. Может, и мало, да умели много. Нам бы столько уметь.

И, спохватившись, Николай Александрович спешит поставить каждого к нужному, к сильному, чтоб получилась, чтоб нравилось.

...Учил, объяснял. Трижды мог повторить непонятное ученикам. Радовался, когда получалось, страдал, когда не выходило, больше самого ученика страдал" [4, с. 21–22]. Абсолютно верно подметили ученики профессиональные качества своего учителя, давшего им путевку в творческую жизнь. Семинарский учитель Н.А. Чернышев по воспоминаниям Виктора Васнецова "сумел разжечь в душе ученика любовь к духовной живописи" [16, с. 148].

Интересны и иные воспоминания об этом преподавателе, принадлежавшие перу Л.А. Спасского (1855–1930), воспитанника Вятской гимназии [8, л. 51 об.–53 об.; 23, с. 133–135]: "...среднего роста, брюнет, старик лет 60–ти, лысый; лысину прикрывал задними и боковыми волосами. Усы и бороду брил, оставляя на задней части щек узенькие бакенбарды. Одевался чисто, ходил то во фраке, то в сюртуке, конечно форменных... был порядочно глух, почему он почти не слышал шума учеников" [23, с. 133; 8, л. 51 об.]. С другой стороны, Л.А. Спасский представил Н.А. Чернышева как исключительно требовательного и властного человека, особенно по отношению к нерадивым ученикам: "Во время чистописания учитель требовал, чтобы ученики писали непременно гусиными перьями, стальные же строго преследовал, хотя и другие учителя этого не требовали. Если какого-нибудь ученика заставлял пишущим стальным пером (вставленным обыкновенно в гусиное), Николай Александрович приходил в ярость, выхватывал перо, ломал его и бросал на пол, крича: "Ах ты, паршивый поросенок, вольнодумствуешь, я тебя в бараний рог согну и выброшу вон, пойдешь на колени или из класса!" Ученик лишался права писать" [23, с. 134–135; 8, л. 51 об.]. Следует заметить, что эти воспоминания не распространялись на всех учащихся, но все же, они дают представление о качествах личности семи-

нарских преподавателей.

Во второй половине 1850-х гг. в Вятке появились преподаватели "нового типа", старавшиеся пробудить в учащихся, забитых жестокостью и зубрежкой, чувство человеческого достоинства. "В нашу душную атмосферу ворвалась струя живого воздуха в лице нового профессора, вечно памятного мне А.А. Красовского, только что окончившего Петербургскую Академию", – вспоминал С.И. Сычугов. – "Во время учения в ней он сблизился с Добролюбовым и, конечно, поддался его благотворному влиянию. Многие из нас были положительно увлечены его, хотя и неглубоко ученым, но живым и искренним словом, которое при мертвяще рутинном преподавании других наставников, обаятельно действовало на нас... Усыпительная и безжизненная риторика уступила место неслыханному прежде курсу русской словесности..." [24, с. 219–220]. Не без восторга описывал Иван Красноперов взаимоотношения А.А. Красовского с воспитанниками, о его своеобразных методах воспитания, вольном поведении на уроках: "Преподаватель он был чрезвычайно оригинальный. В классе он редко кого спрашивал урок, а все преподавание его носило характер живой, дружеской беседы с учениками. Ему не было дела до того, учили ли ученики урок, ходили ли в класс или не ходили, от учеников он требовал серьезных умственных занятий..." [10, с. 45–46]. Вместо привычного и не особенно творческого метода ведения уроков, к сожалению, типичного для иных учителей, он старался ввести в занятия характер "живой дружеской беседы", предлагая для сочинений не совсем обычные темы. Так, например, учащиеся на его уроках писали автобиографии, которые давали возможность самопознания и более того, А.А. Красовский получал возможность знакомиться с жизнью, материальным положением, духовными запросами своих питомцев [17]. А.А. Красовский большую роль в воспитании и образовании отводил книге, приучая семинаристов к чтению. Известный вятский историк, краевед В.Д. Сергеев (1940–2006) отмечал, что А.А. Красовский "привозил книги в семинарию, раздавал их с пояснениями, почему необходимо прочесть ту или иную из них, составлял списки литературы, своего рода рекомендательную библиографию. Чтение захватывало лучшую часть семинаристов. Читали, собираясь вечерами в классах, в спальном корпусе. Круг чтения соответствовал "знамениям времени" – "Письма об изучении природы" А.И. Герцена и его роман "Кто виноват?", статьи В.Г. Белинского, напечатанные в "Отечественных записках", номера "Современника", исторические сочинения Т.Н. Грановского, тома "Всемирной истории" Ф.–К. Шлоссера, перевод которых осуществлялся группой публицистов "Современника", возглавляемой Чернышевским" [21, с. 55]. Как следствие, благодаря полному обновлению книжного репертуара, постепенно происходила демократизация читательской аудитории в

семинарии.

Известно, что А.А. Красовский подготовил семинаристов и к восприятию различных форм культурной жизни, ранее ими не виданных (театров, литературно-музыкальных вечеров и др.). О нелегальной премьере в семинарии первого спектакля "Женитьбы" Н.В. Гоголя, прошедшего в тайне от начальства, подробно описал И.М. Красноперов в "Записках разночинца" [18, с. 55–60], назвав спектакли "дьявольским наваждением, имевшим такую чарующую силу, что оно овладело не только всеми нами, бурсаками, но даже всем составом семинарского персонала... Сами профессора семинарии вздумали устроить в своей квартире спектакль, сами играли на сцене, пригласили на спектакль, в качестве зрителей, инспектора с его женою и дочерьми и нескольких учеников. Помнится, играли "Доходное место" А.Н. Островского. Г.Я. Порфирьев очень недурно сыграл роль Жадова. Когда сын соборного протоиерея Шиллегодский, уже порядком выпивший и весь красный, как рак, сел за стол и, подперши руки в подбородок, проговорил: "А видали, как немцы плачут?" – и при этом изобразил на своем лице, как именно они плачут, то отец инспектор, неистово хлопая себя по бедрам, хохотал до слез. И с тех пор мы безбоязненно устраивали спектакли не только в стенах семинарии, но и вне ее, в городе. Играл на сцене и Александр Александрович [Красовский – И.К.]" [18, с. 60].

В последующем воспитанники семинарии стали активными участниками вечеров, причем сборы от них шли на различные цели: в пользу бедных учеников, в помощь библиотекам.

Конечно, преподаватели семинарии отличались по умственным и человеческим качествам, имели разное образование, степень подготовленности к педагогической деятельности. Поэтому, встречались и между преподавателями семинарии лица, не вполне подготовленные как в учебной, так и в нравственной части [2, с. 602].

Но это было в большей степени исключением, нежели правилом.

Необходимо отметить, что преподаватели Вятской духовной семинарии внесли большой вклад в развитие культуры на Вятской земле и далеко за ее пределами, в первую очередь, развивая умственные таланты своих воспитанников, прививая им высокие общественные ценности и идеалы. Большинство выпускников семинарии продолжили начинания своих учителей – распространение знаний, нравственных ценностей. Они, несомненно, способствовали складыванию нового социального слоя, который в 1860-е гг. еще находился в процессе своего становления.

ЛИТЕРАТУРА

1. А.В. [Верещагин А.С.] В.Я. Колокольников (К истории Вятской семинарии) // Календарь и Памятная Книжка Вятской губернии на 1896 год / Сост. под ред.

- Н. Спасского. – Вятка, 1895. – С. 449–477.
2. А. В–нь [Верещагин А.С.] Краткий очерк истории Вятской духовной семинарии // Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Сборник материалов к истории Вятского края. – Вятка: Типография губернского правления и литография Хотевич, 1881. – Т. II. – С. 581–612.
3. А.С. Верещагин (Некролог) // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1909 год. – Вып. 1. – Вятка: Губернская типография, 1909. – С. 1–12.
4. Бахревский В.А. Виктор Васнецов. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 364 с.: ил.
5. Бердинских В.А. Вятские историки. Ремесло истории в России. – Киров: ТО "Grey Woolf" КО СПРФ, 2007. – 560 с.
6. Вятская духовная семинария, ее дела и люди: Воспоминания. В.М. Кувшинского. (Вятская публичная библиотека им. А.И. Герцена). – Вятка, 1979. [Машинопись].
7. Га–ерев Н.И. [Верещагин А.С.] Студенты Казанской духовной академии на службе в Вятской губернии (1846–1892). – Вятка: Типография Маишева, бывшая Куклина и Красовского, 1892. – 47 с.
8. Государственный архив Кировской области (ГАКО). – ГАКО. – Ф. 170. – Оп. 1. – Ед. хр. 160. – 53 л.
9. ГАКО. – Ф. 170. – Оп. 1. – Ед. хр. 350. – 10 л.
10. ГАКО. – Ф. 205. – Оп. 4. – Ед. хр. 3800. – 4 л.
11. ГАКО. – Ф. 215. – Оп. 1. – Ед. хр. 768. – 14 л.
12. ГАКО. – Ф. 215. – Оп. 1. – Ед. хр. 1088. – 11 л.
13. ГАКО. – Ф. 215. – Оп. 1. – Ед. хр. 1267. – 240 л.
14. Демидова Н. Вятский летописец // Вятский епархиальный вестник. – 2008. – № 12 (254). – С. 12–13.
15. Знаменский П. История Казанской Духовной Академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 годы). – Казань, 1891. – Вып. 1. – 380 с.
16. Киселева Г.Г. "Я только Русью и жил!.." Известный и неизвестный Виктор Васнецов // Герценка. Вятские записки. – Киров, 2009. – Вып. 15. – С. 142–168.
17. Корнилова И.В. Русская провинция XIX века в ранних работах В.Ф. Кудрявцева // Вопросы истории. – 2011. – № 10. – С. 149–156.
18. Красноперов И.М. Записки разночинца. – М.: Молодая гвардия, 1929. – 152 с.
19. Леонтьева Т.Г. Церковная интеллигенция Тверской губернии в конце XIX – начале XX в. (1895–1907 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – Тверь, 1992. – 184 с.
20. Магсумов Т.А. Личные дела преподавателей как исторический источник // Успехи современного естествознания. – 2011. – № 4. – С. 176.
21. Сергеев В.Д. Разночинцы–демократы Вятки. – Вятка (Киров), 2003. – 156 с.
22. Смолич И.К. История русской церкви. Синодальный период 1700–1917 гг. – М., 1996. – 800 с.
23. Спасский Л.А. Воспоминания о вятской гимназии // Герценка: Вятские записки. – Киров, 2004. – Вып. 7. – С. 133–137.
24. Сычугов С.И. Записки бурсака / Ред., пред. и примеч. С.Я. Штрайха. – М.; Л.: Академия, 1933. – 353 с.
25. Точеный О.П., Матвеев В.К. Здание бывшей Вятской Духовной Семинарии, где в разные годы преподавали и учились деятели русской культуры // Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Кировская область / Ред.–сост. О.П. Точеный. – М., 1978. – С. 28–34.
26. Устав православных духовных семинарий // Вятские епархиальные ведомости. – 1868. – № 1 (1 января). – Отд. офиц. – С. 1–30.
27. Хроника общественной жизни г. Вятки и Вятской губернии на 1904 год // Памятная Книжка Вятской губернии и календарь на 1905 год. – Вятка, 1905. – С. 163–164.
28. Фармаковский И.Ф. Некоторые сведения о книгах Нового Завета // Вятские епархиальные ведомости. – 1871. – № 7–8. – Отд. дух.–лит.
29. Фармаковский И.Ф. О Евангелиях // Вятские епархиальные ведомости. – 1872. – № 13–14. – Отд. дух.–лит.
30. Фармаковский И.Ф. О первоначальном проявлении раскола в Вятской епархии // Вятские епархиальные ведомости. – 1868. – № 5–6. – Отд. дух.–лит.